

Крестовская Мария Всеволодовна

Ранние грозы

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84-4

Крестовская Мария Всеволодовна

Ранние грозы / Крестовская Мария Всеволодовна – М.: Книга по Требованию, 2011. – 148 с.

ISBN 978-5-4241-1467-0

Дочь известного беллетриста, Мария Крестовская всегда писала только о женских проблемах: о любви, семейных отношениях, разладе между любимой профессией и чувством... И делала это с женской эмоциональностью и искренностью. Но перо ее, при всей женской гибкости, отличается почти мужской сдержанностью, а в ее романах совсем нет феминистской нетерпимости и тенденциозности. Живой и тонкий ум, наблюдательность и чувство меры писательницы делают ее самобытной и неповторимой!

ISBN 978-5-4241-1467-0

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Мария Всеволодовна
Крестовская
Ранние грозы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

...В кабинете настала тишина, та мучительная, тоскливая тишина, которая всегда следует за каким-нибудь тяжелым объяснением.

Муж и жена продолжали еще сидеть, по-видимому, спокойно, и в комнате слышалось только нервное дыхание Марьи Сергеевны.

Итак, все кончено!

Все, чем жили столько лет, к чему привыкли за эти долгие годы, что когда-то любили...

В руках у Марьи Сергеевны был тонкий кружевной платок, и она нервно теребила и рвала его кружева похолодевшими пальцами.

Оставалось только уйти... Но почему-то именно в эту минуту ей было тяжело это сделать, и она продолжала бесцельно сидеть на низкой турецкой оттоманке, на которую опустилась, войдя к мужу для того, чтобы переговорить с ним в последний раз.

И вот они переговорили.

И как просто все вышло, гораздо легче, нежели она ожидала...

Марья Сергеевна устало отвела глаза от догоравшего камина и искоса взглянула на мужа.

Он сидел за своим письменным столом с таким же бесстрастным и холодным лицом, как и всегда... Массивная бронзовая лампа под зеленым абажуром, ярко освещая стол и разбросанные на нем бумаги, освещала его лицо каким-то зеленоватым светом, придававшим ему еще большую бледность.

Марья Сергеевна пытливо взглянула в это лицо, точно желая прочесть в нем что-то, но не прочла ничего.

Даже глаза, опущенные вниз, на бумаги, ничего не выдавали; только тонкая рука его, ярко освещенная лампой, как-то судорожно барабанила по столу.

И Марья Сергеевна машинально разглядывала так хорошо знакомую ей руку, на которой в эту минуту она с необычайною ясностью видела каждую жилку, морщину и даже густую тень темных волос, уходившую в глубь рукава и становившуюся к локтю все темнее. А тишина и точно вынужденное, выжидающее молчание становились все тягостнее.

Она еще раз вскинула глаза на мужа и нетерпеливо передернула плечами. Ее всегда сердила невозможность и неумение разгадывать душу своего мужа по его лицу.

Наконец, лениво, точно делая над собой усилие, она приподнялась с оттоманки и глубоко вздохнула, не то от усталости, не то от невольной грусти, и тосливо окинула взглядом весь кабинет, как бы прощаясь с ним, как бы невольно жалея, что была в нем в последний раз, и вдруг ее глаза встретились с другими, смотревшими прямо на нее со стены кабинета из золоченой рамы.

Марья Сергеевна разом вздрогнула, схватившись рукой за сердце.

Вот оно, то, что еще не обговорено между ними. Марья Сергеевна не хотела сегодня касаться этого предмета, по-женски откладывая самое тяжелое до другого, хотя бы и непродолжительного времени. Но теперь она почувствовала, что не

в силах тянуть эту пытку...

Муж, подняв голову, взглянул в ту сторону, куда глядела она, и ее ужас точно отразился и на нем; молча, с каким-то болезненным выражением, смотрел он вместе с женою на улыбающуюся им из рамы детскую головку.

Кругленькое личико с обстриженными по-русски темными волосами плутовато улыбалось им, точно подсмеиваясь над ними.

– Наташа! – проговорила наконец Мария Сергеевна чуть слышно, с видимым спазмом в горле...

Павел Петрович отвел глаза от портрета дочери и еще угрюмее опустил голову. Он чувствовал на себе взгляд жены.

Она глядела на него молча, спрашивая его одними глазами, и, не говоря сама ни слова, казалось, требовала его ответа.

Кончено?! Еще несколько секунд тому назад она с облегченной душой думала, что все уже кончено, все выяснено! Да разве выяснено хоть что-нибудь, когда не выяснено самое главное, самое мучительное?!

А если он не отдаст ей Наташу!

Все права, и законные, и нравственные, на его стороне, но она с самого рождения своей девочки привыкла считать ее своею неотъемлемою собственностью, своим телом, своею душой, таким могучим дополнением ее собственного «я», без которого неммыслимо существование ее самой.

И вот на это существо, на этого «ее» ребенка другой человек, который отныне делался ей совершенно чужим и посторонним, имеет одинаковое право с нею! И даже большее! Она, жена его, бросает его теперь, после пятнадцати лет совместной жизни, уходит от него, потому что полюбила другого человека. Значит, в глазах света и перед ее собственною совестью, прав муж, а не она, и, следовательно, все права на дочь остаются за ним и отнимаются у нее.

Она крепко прижала холодные как лед руки к своей груди, точно инстинктивно хотела остановить болезненно-учащенные удары сердца.

«Неужели он отнимет? Неужели отнимет?» – стучало у нее в голове.

Марья Сергеевна бессильно опустилась на стул.

Боже мой, Боже мой, но о чем же она думала раньше? Все время она делала выбор между мужем и тем, кого любила, – и только теперь в первый раз ей пришлось в голову, что, может быть, выбор придется сделать не между нелюбимым мужем и боготворимым человеком, а между ее собственным ребенком и этим человеком!

Вглядываясь в лицо мужа, она чувствовала скорее инстинктом, нежели сознанием, что он не уступит ей дочь легко и без борьбы, и, тоскливо ломая руки, не сводила с него глаз.

– Павел Петрович... не отнимайте...

Слова путались и застревали у нее в горле, ей вдруг стало страшно выговорить всю фразу: что, если он ответит «нет»!

И с этим «нет» будет убито все, вычеркнется самая дорогая ей страница жизни! О, быть не может! Он добр, она готова умолять, унижаться перед ним, но она не выйдет из этого дома, пока он не уступит ей Наташу.

Марья Сергеевна вдруг с судорожным рыданием вскочила со стула и бросилась перед мужем на колени.

– Отдайте, отдайте ее мне... ради прошлого, отдайте!..

Она страстно ловила его руки и прижималась к ним залитым слезами лицом. Павел Петрович растерянно и сконфуженно вскочил со своего кресла и старался поднять ее, но она не вставала, впиваясь в него глазами и повторяя только: «Отдайте, отдайте».

– Ради Бога, Марья Сергеевна... Встаньте... К чему это, встаньте же.

Его нервы были уже расшатаны последними днями, он чувствовал, что ее истерический припадок заражал и его. Что-то душило его, и он, с непривычною ему злобой, вырвался от нее и насильно поднял ее с колен.

– Сядьте! – коротко приказал он.

Марья Сергеевна, рыдая, повиновалась ему и, уронив голову на стол, судорожно всхлипывала и вздрагивала всем телом. Павел Петрович нервною, точно разбитою походкой отошел от стола и прошелся несколько раз по кабинету, искося угрюмо взглядывая то на жену, то на портрет дочери.

Наконец, вздохнув всею грудью и точно почувствовав облегчение, он снова подошел к столу и налил стакан воды. Его рука еще дрожала, но лицо уже опять приняло спокойное, бесстрастное выражение. Он подал стакан жене.

Она слегка приподняла голову и отхлебнула несколько глотков. Рыдания ее затихали, и она медленно успокаивалась.

Павел Петрович опять тихо зашагал по кабинету и, подождав, пока всхлипания жены совсем затихли, подошел к ней с серьезным и строгим лицом.

– Можете вы меня теперь выслушать?

В его всегда ровном голосе слышалась легкая дрожь. Марья Сергеевна молча кивнула ему головой с тем мутным, без всякого выражения, взглядом, который всегда появляется после истерики, и бессознательно комкала свой мокрый от слез носовой платок.

Павел Петрович, видимо, старавшийся быть сдержанным, начал довольно громко и внятно:

– То, о чем вы сейчас просили, настолько серьезно, что решить вопрос сразу невозможно. Я был так слеп, – он горько усмехнулся, – так мало ожидал чего-нибудь подобного! Но... но...

Он тряхнул головой и провел своею тонкой красивой рукой по высокому лбу, на котором поминутно выступали мелкие капли холодного пота, что случилось с ним только в минуты самого сильного волнения.

– Но речь не обо мне и даже не о вас... С этими вопросами покончено. Я уже сказал вам, что вы свободны и что я не считаю себя вправе посягать на вашу свободу. Что же касается дочери, то... Я остаюсь так одинок...

Он остановился на мгновение, и в его голосе опять что-то дрогнуло. Марья Сергеевна невольно подняла на него глаза... Она чувствовала себя бесконечно виноватою перед ним, и в душе ей было глубоко жаль его. Но он как будто понял ее сожаление и, не желая его, пересилил себя, заговорив слегка надменным и даже злобным голосом, точно этим он хотел спрятать от нее свою душу и свои чувства:

– Я разом теряю и жену, и семью... Вы не теряете ничего – вы только меняете одного на другого, старое на новое и, к тому же, новое – более дорогое для вас, значит, и лучшее...

Марья Сергеевна сделала легкое движение, точно хотела прервать его, но он заметил это и заговорил еще холоднее:

– Вы опять будете любить и будете любимы... У вас опять будет и семья, и счастье и даже, быть может, еще дети.

Марья Сергеевна вздрогнула и опустила глаза...

– Да, и дети, – настойчиво и жестко продолжал он, – значит, судите сами, по совести, чья же Наташа по праву? Кому с нынешнего дня должно быть тяжелее?

Он остановился на минуту напротив нее и взглянул ей прямо в глаза, как бы ожидая ответа. Но она угрюмо молчала и только еще ниже опустила голову. Тогда он опять зашагал по кабинету.

– Я знаю, что я имею все права оставить ее у себя. Но...

Марья Сергеевна радостно подняла голову и быстро вскинула на него вдруг засиявшие глаза.

– Но... Наташа, к сожалению, не трехлетний ребенок, как там! – И он тихо вздохнул, взглянув на портрет смеющейся дочери. – А потому вряд ли мы имеем право решать за нее...

Павел Петрович остановился, точно медлил, обдумывая что-то; жена, порывисто дыша, слегка даже привстала со стула, подавшись вперед, и, тяжело опершись рукой на край стола, глядела на него внимательными глазами...

– Наташе уже четырнадцатый год, у нее уже начал складываться свой характер, свои желания, своя жизнь, и распоряжаться этой жизнью, соображая ее только с нашими чувствами, будет с нашей стороны и нечестно, да и бесполезно. Рано ли, поздно ли, нам, вероятно, пришлось бы раскаяться в своей ошибке.

Он замолчал. Марья Сергеевна все еще стояла в своей напряженной позе, робко вслушиваясь в его слова, но не вполне усваивая их смысл.

– Ну, что же? – проговорила она наконец, видя, что он не продолжает.

– Дело в том, – Павел Петрович как будто смутился немного, – видите ли... Я не знаю, известно ли ей...

Он не договорил, но Марья Сергеевна поняла его. В сущности, она не знала и сама, что и сколько известно ее девочке, но она чувствовала уже давно, по изменившимся отношениям, по бесконечным мелочам, что дочь инстинктивно о многом догадывается и понимает...

– То есть что? – бессознательно спросила она, отвечая больше на свои мысли, чем на его вопрос.

Павел Петрович нетерпеливо передернул плечами. Неужели у нее настолько нет такта, чтобы не задавать ему такого тяжелого вопроса. Что!.. Как будто он может знать лучше нее.

– Я думаю, что она многое понимает; конечно, я не могла быть с нею откровенно...

Она покраснела и начала опять щипать кружева своего платка.

Он прервал ее:

– Знает она, что мы разъезжаемся?

– Я ничего не говорила ей об этом, но мне кажется, что она догадывается об этом.

– Да? – Он задумчиво посмотрел на портрет дочери. – В таком случае, она должна это узнать сегодня же, наверное, и тогда... И тогда она сама решит, с кем ей остаться... В этом деле ее голос должен быть главным и решающим, потому что оно ближе всех касается именно ее...

Марья Сергеевна измученно опустилась на стул. Она не знала, радоваться

решению мужа или нет... За последнее время между нею и обожавшею ее прежде дочь установились какие-то странные отношения, и девочка начала как будто охладевать немного в своей страстной любви к матери и даже чуждаться ее.

И в эту минуту, когда выбор должен быть сделан окончательно, эти отношения, под влиянием страха, казались Марье Сергеевне еще худшими, нежели были на самом деле. Она чувствовала бы себя намного более спокойною и счастливою, если бы могла, помимо всякого участия дочери в этом деле, просто взять и увести ее с собой.

Павел Петрович подошел к столу и позвонил.

Марья Сергеевна вздрогнула.

– Что вы хотите делать? – тревожно спросила она.

– Послать за Наташей.

– Как, сейчас?!

Это «сейчас», которым решится все и после которого уже, действительно, все кончится, вдруг охватило ее всю таким ужасом и тревогой, что она готова была умолять мужа об отсрочке решения хоть на несколько еще дней.

Потерять, быть может, и последнюю даже надежду сейчас же она была не в силах.

Ей вдруг вспомнилось, что она еще сегодня утром сделала дочери за что-то выговор, быть может, это рассердило Наташу, быть может, она и теперь еще сердится на нее... Ей невольно вспомнились глаза дочери, которые с каждым днем глядели на нее все холоднее... О, если бы впереди было хоть несколько еще дней! И с чисто женскою хитростью Марья Сергеевна придумывала, как за эти дни ей задобрить дочь и войти с ней в прежние отношения.

Но Павел Петрович точно угадал ее мысли и понял этот молящий взгляд ее прекрасных глаз, когда-то так любимых им.

– Лучше покончить разом.

Вошла горничная с вопросом: «Что прикажете?»

– Попросите сюда барышню. Скажите, что я прошу ее прийти сейчас же.

Горничная вышла.

Марья Сергеевна вдруг опять глухо зарыдала и бессильно упала в кресло.

II

Феня, шурша накрахмаленными юбками своего розового ситцевого платья, вошла в комнату барышни, которую все еще, по старой привычке, продолжали называть детскою.

Барышня сидела у своего маленького столика, низко наклонив над книгой свою темно-русую головку, причесанную по-гимназически в одну косу с черным бантом.

Лампа слегка освещала ее профиль с совершенно теми же чертами, что и у отца, только более тонкими, женски-смягченными и не потерявшими еще детского, слегка округленного контура.

– Пожалуйте к папаше.

Наташа испуганно вздрогнула, как человек, которого разом оторвали от занятий.

– Что?

– К папаше пожалуйте.

Она все еще не совсем пришла в себя и, казалось, мало понимала, что говорила ей Феня. Слово «к папаше» удивило ее: он в такие часы редко отрывал ее от занятий, – для этого надо было что-нибудь особенное.

– К папаше? – повторила она с удивлением. – Зачем же?

Феня слегка усмехнулась на вопрос барышни.

– Уж этого не знаю-с, мне не сказывали – позвонили только и велели позвать вас.

Наташа посмотрела в лицо Фени. Какое-то неясное предчувствие шевелилось в ее душе.

Феня помолчала с секунду и вдруг тихо добавила, точно поясняя этим что-то:

– И барыня там.

– Мама!

Внезапный, жуткий холод охватил Наташу.

– Плачут-с... – совсем уже таинственно шепнула Феня.

Теперь Наташа смутно начала угадывать что-то тяжелое, страшное.

– Ну хорошо, иди, я сейчас.

Она подождала, пока Феня вышла; ей не хотелось, чтобы горничная что-нибудь поняла по ее испугу. Когда дверь за Феней затворилась, Наташа тревожно поднялась со стула.

«Вот оно, началось...»

И по лицу ее вдруг разлился совершенно детский страх, и ей страшно захотелось заплакать.

– Господи, Господи! – вдруг зашептала она, быстро и порывисто крестясь маленьким крестиком, висевшим у нее на шее на тоненькой золотой цепочке, совсем так же, с тем же тревожным выражением, с каким крестилась, бывало, в гимназии во время экзаменов, когда ее «вызывали».

– Господи, Господи, помоги мне, помоги!.. – шептала она, прижимая к горячим губам маленький крестик и взглядывая полными слез глазами в угол комнаты, где над ее постелью теплилась лампадка перед иконой Божией Матери...

Пройдя через комнату матери в гостиную и большую залу, куда выходил кабинет отца, Наташа на мгновение остановилась перед его дверью.

Сердце ее сильно билось и она стояла, пугливо прислушиваясь у двери, боясь и не решаясь сразу отворить ее.

В кабинете все было тихо, по-видимому, «они» молчат... Верно, ждут ее!

– О Господи, Господи! – Она перекрестилась в последний раз и резко отворила дверь.

Отогнутая тяжелая портьера тихо зашуршала. Марья Сергеевна рванулась к дочери, но Павел Петрович остановил ее легким движением руки.

Наташа, вся бледная, серьезным взглядом окинула мать и отца.

Да, да, это то, о чем она думала...

На мгновение в кабинете опять настала мучительная тишина, никто не начал первый, точно каждый бессознательно старался оттянуть хоть на мгновение страшный вопрос. Павел Петрович, с угрюмым лицом и согнувшись всем корпусом, как будто страшная тяжесть давила его, сидел опять в своем большом кресле у письменного стола.

– Видишь ли, Наташа, мы позвали тебя... – начал он, несколько запинаясь и

не глядя ни на дочь, ни на жену, – обстоятельства складываются так, что мы... с Марьей Сергеевной должны... жить порознь, – договорил он твердо и резко. – Ты знаешь, Наташа, что мы оба любим тебя, и нам одинаково трудно расстаться с тобою, но... Один из нас двоих все-таки должен с тобою расстаться...

Голос его, несмотря на видимые усилия, слегка дрожал и прерывался. Он мельком, стараясь побороть себя, взглянул на дочь. Она стояла все также молча, придерживаясь рукой за кресло, и только по ее побледневшему личику покатались вдруг крупные слезы.

– Если бы тебе было пять-шесть лет, мы бы решили это без тебя. Но теперь ты уже не ребенок, у которого привязанности почти бессознательны... И потому... ты должна решить сама, с кем... с кем ты хочешь остаться...

И он замолчал, остановив пристальный взгляд на дочери.

Марья Сергеевна тоже впиалась в нее жадными страдающими глазами.

Теперь от этой девочки в коротком гимназическом платьице и черном переднике, почти ребенка, зависела участь двух людей: и каждый из них ждал с мучительной тревогой и болью – что она скажет. Но она молчала, и ни одна складка не шевелилась на ее платье; казалось, она вся застыла, и только по ее побледневшему и вдруг точно состарившемуся лицу продолжали беспомощно, по-детски, катиться крупные слезы.

Прошла почти минута, мучительная и бесконечная в этом напряженном ожидании...

Павел Петрович слышал чьи-то глухие удары сердца и машинально прислушивался к ним.

Наконец он точно опомнился и, встряхнув головой, провел рукой по лбу.

– Быть может, Наташа, – заговорил он тихо, – ты подумаешь и скажешь завтра, послезавтра... Это зависит от тебя, дитя мое...

Марья Сергеевна благодарно взглянула на него; пусть лучше еще несколько дней надежды, чем конец разом. Каждый из них со страхом ожидал, что дочь выберет другого, и в то же время в глубине души каждого жила невольная надежда, что дочь останется именно с ним.

– Лучше подождать! – повторил как-то робко и неуверенно Павел Петрович.

Наташа тихо покачала головой.

Она так много уже думала об этом, так боялась и страдала, ожидая этого момента, что в душе давно уже решила, что ей делать и с кем оставаться. Если она молчала и медлила, то не потому, что не знала, что ей сказать, а только сознавая, что своим ответом одному из страстно любимых ею, самых дорогих для нее существ она причинит столько горя...

«Подождать! О, нет, нет, пускай лучше все кончится разом. Все равно...»

Она растерянно и тоскливо оглянулась по сторонам, точно ища себе в чем-то поддержки, и в этот миг встретила глазами с отцом. И вдруг в ней разом что-то словно оборвалось, и с мучительным, отчаянным воплем она кинулась к нему всем своим трепещущим и вздрагивающим от рыданий тельцем. Страстно обнимая его, она целовала его голову, руки, глаза и обливала его слезами...

Он понял все.

Она бросилась к тому, кого оставляла. И этими нежными ласками она точно молила о прощении себе, точно хотела заставить его понять, как горячо она его любит, как тяжело ей бросать его... И, рыдая, она прижималась к нему, как будто

хотела смягчить тот страшный удар, который сама же ему наносила...

III

Павел Петрович увел дочь в ее комнату и помог ей успокоиться. Наташа тихо всхлипывала, прижимаясь горячими губами к его рукам, и изредка поднимала на него глаза. Марья Сергеевна растерянно стояла в стороне от мужа.

Ее дочь уходила вместе с нею, но в сердце этой дочери не нашлось для нее ни одного ласкового взгляда, ни одного теплого слова, и мать ревниво следила за ласками дочери к отцу, точно мысленно считала их.

В эту минуту ей показалось, что она больше бы хотела быть на месте мужа, и только сознание, что эти ласки временные и последние, что потом Наташа уже всецело будет принадлежать ей одной, слегка успокаивало и утешало ее.

Она хотела бы сейчас же броситься к дочери, обнять ее, прижать к своей груди и целовать ее всю, как целовала, бывало, маленькую, за то, что Наташа выбрала ее и оставалась с нею, но что-то удерживало Марью Сергеевну, словно ласки ее и благодарность казались ей неуместными.

Но все-таки она сделала робкую, неуверенную попытку и, подойдя к дочери ближе, хотела взять ее за руки, но Наташа, заметив ее, опять зарыдала сильнее.

Павел Петрович, искаса взглянув на жену, встал и проговорил тихо, чтобы Наташа не расслышала его:

– Ее лучше оставить одну, она скоро успокоится, не говорите с ней...

Он чувствовал в дочери свою натуру и знал по себе, что самое лучшее в тяжельные минуты – быть одному. Он еще раз обнял плачущую дочь, заботливо перекрестил ее, поцеловал и, сказав: «Ложись спать, деточка, и успокойся, все устроится...» вышел из комнаты вместе с женой.

Для того чтобы выйти в другие комнаты, ему необходимо было пройти через спальню и будуар жены, и это было ему тяжело. Марья Сергеевна поняла его чувство и тихо шла за ним с виноватым и смущенным выражением на лице.

Он хотел пройти скорее, не останавливаясь ни на мгновение. Тут все напоминало ему былое; ему хотелось бы закрыть глаза, чтобы не видеть ничего, вызывавшего в его душе столько воспоминаний, а между тем что-то почти невольно заставляло его бросать торопливые и быстрые взгляды на окружающие его, так хорошо знакомые ему предметы. Он успел уже подойти к двери и раскрывать ее голубую шелковую портьеру, как Марья Сергеевна вдруг тихо окликнула его:

– Павел Петрович!..

Он быстро обернулся к ней и окинул ее удивленным и вопрошающим взглядом.

Марья Сергеевна сознавала, что этот человек был с ней гораздо великодушнее, нежели она ожидала, нежели она могла ожидать... Четырнадцать лет жизни с ним промелькнули в ее памяти... Спокойные, безмятежные и даже счастливые...

И в эту последнюю минуту ей невольно хотелось сказать ему... Что именно, она и сама не знала, но что-то теплое, хорошее, задушевное... Сказать, как сильно благодарна она ему и за прошлое, и за последнюю его жертву... Но то, что в душе ее чувствовалось так просто, она не умела выразить словами... Всякое слово казалось ей пошло, неуместно и совсем не выражало того, что она чувствовала... И она замолчала, глядя куда-то в пространство, мимо лица мужа, точно боясь встретиться с ним глазами.